

Михаил Афанасьевич Булгаков и
Елена Сергеевна Булгакова.
Москва, середина 30-х годов.

Юбилей писателя

Мастер

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Михаила Афанасьевича БУЛГАКОВА.

В этот день хорошо бы совершить поход по булгаковским местам Москвы. Но Лев Колодный уже провел читателя нашей газеты («Судьба мастера», 11, 13 сентября 1988 года) и по Большой Садовой, и по улице Фурманова. Мы же решили предложить несколько заметок о книгах писателя, о литературных параллелях, о значении творчества Булгакова в наши дни.

Всего несколько слов в честь сочинителя

Судьба определена

К писателю Булгакову у всех читателей 60-х годов в нашей стране отношение особое — первооткрывательское. Да, нам прежде всего открылся не автор легендарных «Дней Турбиных», каким он был для людей конца 20-х, а рассказчик необыкновенный и романист небывалый. Прочтя Булгакова, читатель словно обретал новое зрение. И нельзя уже было писать прозу, не учитывая открытий Булгакова. Многие, правда, не удерживались и скатывались в подражательство.

А какое у всех было личное отношение к ушедшему за четверть века до того из жизни Мастеру, какое собственное, только свое понимание его книг! Восходящая эстрадная звезда, к примеру, утверждала, что читает только «Мастера и Маргариту». Преподавательница МАГУ, руководитель моей дипломной

работы, с таким жаром отстаивала мысль, что «Дни Турбиных» — это трагедия, словно Алексей Турбин — Николай Хмелев вот сию только минуту упал сраженный на мхатовскую сцену, а может, на киевскую землю... Поразительная вещь происходила — жизнь, далекая от нас жизнь переплеталась — неотделимо — с искусством.

Сейчас, правда, тоже что-то иногда вдруг пролохот в эфире про Маргарити-и-ту, которая «ведь тоже умела летать». Но это уже, как представляется, другой уровень освоения — адаптированный, облегченный, рассчитанный на тех, извините, кто текста не одолел. А в 60-х друг у друга рвали журнал «Москвва», где-то доставали ксерокопии романа, зачитывались им, яростно спорили, словом — читали. Резонанс булгаковского возвращения в литературу и был тем

сильнее, что оно было первым, а также по причине особенности стили и слова писателя.

В «Театральном романе» Булгаков, рассказывая о волшебной оживающей коробочке театра, дает простой совет: «Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует». Автор «Белой гвардии» так и пишет, по его книгам можно изучать топографию Киева и Москвы — от Алексеевского спуска до Патриарших прудов, психологию интеллигента 30-х годов. И все-таки, думаю, мы несколько ошибались, понимая совет Булгакова слишком уж впрямую. Ведь не чистый бытописатель он был, а человек с острым глазом и безбрежной фантазией. Был у Булгакова ануренный взор, им писатель видел, проникал в суть вещей и явлений и изображал их необычайно пластично, зримо.

Внимательные читатели были у Булгакова среди деятелей театра, музыкантов — читатели и истолкователи. И здесь мне хочется вспомнить телевизионный фильм режиссера А. Эфроса «Всего несколько слов в честь господина де Мольера» с Юрием Любимовым в главной роли. Как там полузадушенно шептал его Мольер? Бежать, мол, в Англию. И вдруг до него доходит простая мысль: «Но там ведь говорят по-английски. А для писателя родной язык — все: инструмент, среда обитания, народ. Задумывался ли над этим господин де Мольер? А не сам ли Булгаков, надев камзол и парик (Михаил Афанасьевич ведь и актером в своей жизни побывал), выговаривал устами персонажа сокровенное?»

Так что будем читать Булгакова...

Т. СЕРГЕЕВА.

Разыскания: Генрик Сенкевич и Михаил Булгаков

Злых людей нет на свете

В произведениях Булгакова имя великого польского предшественника встречается, как кажется, только однажды. В романе «Белая гвардия» при описании крестьянских восстаний на Украине в 1918 году автор произносит: «И в польской красивой столице Варшаве было видно видение: Генрик Сенкевич стал в облаке и ядовито ухмыльнулся». Это место несомненно восходит к следующим строчкам из начала романа «Огнем и мечом»: «Над Варшавой являлись во облаке могила и крест огненный, по каковому случаю назначалось постыдиться и раздавали подаяние, ибо люди знающие пророчили, что мор поразит страну и погибнет род человеческий». А если прочесть начальные строки романа Сенкевича: «Год 1647 был год особенный, ибо многообразные знамения в небесах и на земле грозили неведомыми напастями и небывальными событиями. Тогдашние хроники сообщают, что весной, выплывшись в невиданном множестве из Дикого Поля, саранча поела посевы и травы, а это предвещало татарские набеги. Летом случилось великое затмение солнца, а вскоре и комета запылала в небесах», — то станет ясен генезис зачина «Белой гвардии»: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимой снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».

И еще один яркий эпизод «Белой гвардии», по всей видимости, навеян романом Сенкевича.

Это — сон Алексея Турбина, вдруг увидевшего в раю полковника Най-Турса, которому еще только суждено погибнуть от петлюровских пуль, и вахмистра Жилина, еще в 1916 году павшего вместе с эскадромом белградских гусар. Най-Турс «был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уже нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком». Из дальнейших слов Жилина, который сам «как огромный витязь возвышался в святающей кольчуге, мы узнаем, что в раю Най-Турс оказался «в бригаде крестоносцев».

Вот так же у Сенкевича в рай попадает рыцарь — богатырь Лонгин Подбипятка. Сходство усиливается, если вспомнить, что непренный спутник Подбипятки — гигантский меч, такой же, как у Ная в раю, и что, подобно герою Сенкевича, чей ногой труп отбили у казаков товарищи, друзья Ная находят его обнаженное тело в море. Най-Турс — такой же «рыцарь без страха и упрека», как и Подбипятка, и его гибель — также зловещий символ.

Пожалуй, в «Белой гвардии» изображение стихии крестьянского мятежа на Украине перекликается не только с «Огнем и мечом», но и с романом, в оригинале названным «Омуты», а в русском переводе выходящем под тремя разными названиями: «Омут», «В омуте» и «Водоворот». Здесь Сенкевич под впечатлением событий революции 1905—1907 годов и постепенного погружения всего мира в пучину военной конфронтации,

приведшей в конце концов к первой мировой войне, гениально предвидел потрясения и страдания, которые выпадут человечеству в XX веке. Он показал опасность доктрин, могущих спровоцировать стихийный массовый взрыв черни, безразличия носителей этих доктрин к судьбе народа, к жизням людей, от имени и во имя которых они выступают.

И в «Белой гвардии» сразу вслед за приведенной выше фразой с упоминанием имени Сенкевича следует история некоего старца Дегтяренко, полного «душистым самоном и словами страшными, каркающими, но складывающимися в его темных устах во что-то до чрезвычайности напоминающее декларацию прав человека и гражданина. Затем этот же Дегтяренко пророк лежал и выл, и пороли его шомполами люди с красными бантами на груди. И самый хитрый мозг сошел бы с ума над этой закавыкой: ежели красные банты, то ни в коем случае недопустимы шомпола, а ежели шомпола — то невозможны красные банты...». Тут — переключка с идеями «Водоворота», где доказывается так шокирующая либеральную публику полная совместимость красных бантов с насильем.

Небольшой след «Огнем и мечом» есть и в булгаковской пьесе «Бег». Здесь имя одного из главных героев, «потомка запорожцев» генерала Чарноты, очевидно, восходит к одному из эпизодических персонажей романа Сенкевича — полковнику Чарноте, генеральному обозному в запорожском войске Хмельницкого.

Но гораздо более существен-

ная связь с этим произведением польского прозаика прослеживается в великом булгаковском романе «Мастер и Маргарита». Именно в «Огнем и мечом» находим мы важное разъяснение к одной из основных загадок книги Булгакова — покоя как награды, данной Мастеру. У Сенкевича один из персонажей, Адам Кисель, воевода брацлавский, восклицает: «...Пусть Бог судит нас за наши деяния, и да пошлет он хотя б после смерти покой тем, кто при жизни страдал сверх меры». У Булгакова же читаем: «...кто много страдал перед смертью... без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его». Пожалуй, придется поставить под сомнение широко распространенное мнение о неполноте и ущербности награды, данной Мастеру.

И еще одна важная мысль Киселя, с которой, как и с первой, целиком солидарен Сенкевич: «раздоры равно губельны для обеих сторон». У Булгакова же Воланд подчеркивает, что в войне «результаты для обеих сторон бывают всегда одинаковы». Не случайно, что, пережив ужасы первой мировой и гражданской войн, автор «Мастера и Маргариты» пришел к тем же гуманистическим выводам, что и автор «Огнем и мечом», и густо насытил два своих главных романа реминисценциями из своего знаменитого предшественника. Отрицание насилия у Сенкевича было особенно близко Булгакову, как близко оно сегодня и нам.

Б. СОКОЛОВ,
кандидат исторических наук.

Человек, угадавший время

Рукописи не горят

Эти слова Воланда нельзя было не вспомнить на Всесоюзной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Булгакова, которая была организована Институтом мировой литературы имени А. М. Горького совместно с Академией наук СССР и Союзом писателей СССР. И данное высказывание возникло в памяти не только потому, что в нескольких докладах говорилось о стихии огня в романе «Мастер и Маргарита», что большое внимание уделялось магической и таинственной фигуре Воланда — «рукописи не горят», даже если сильные мира сего очень не хотят, чтобы они пришли к людям. И ярким свидетельством этому стали произведения Михаила Булгакова, которые через святителя все-таки увидели свет, несмотря на все запреты и препоны. В том числе — пятитомный писателя, подготвленный к его 100-летию комиссией по творческому наследию М. Булгакова. А проведенная в канун памятной даты конференция ста-

ла отправной точкой для начала работы над полным собранием произведений писателя.

Конечно, у литературоведов, искусствоведов, критиков, попавших в магическое поле Булгакова, впереди много работы и много открытий. Но, как видно по докладам и выступлениям на конференции, исследователям творчества писателя уже есть что сообщить и своим коллегам, и читателям. Возникшая полемика показала, что творческий процесс, когда дело касается истинного мастера, не завершается или надгробным камнем.

В докладе «М. Булгаков сегодня» заместитель директора ИМЛИ П. Палиевский обратил внимание на то, что сегодня Михаила Булгакова важнее для нас его прошлого.

Оказывается, Булгаков много предвидел лучше иных экономистов. Например, что получится, если посыпать сверху возможностью хватать деньги. Непременно сверху! Или вспом-

ним те самые зеленые купюры, на которых нарисован какой-то старик и которые, вместо того чтобы лежать в сбербанке, были вынуты из вентиляционной трубы Никанора Ивановича в размерах, недоступных его снам! Не удержусь от цитирования доклада: «А это фирма дарит вам на память». Возьми, все прекрасно. Только неизвестно, почему через самое короткое время побежишь голеньким. А ведь Булгаков ничего не знал об опыте латиноамериканцев и Польши».

Но, как отметил П. Палиевский, есть область не столь «горячая», но непосредственно живая, куда необходимо входит Булгаков в наши дни. Это язык. Если кто-то живет «в несчастных раздумьях о судьбах своей Родины» и ему нужна эта «единственная поддержка и опора» — пожалуйста, вот подоспешшая ко времени булгаковская речь.

Нужны норма, выверенное умом равновесие, порядок. То есть,

конечно, не какой-то словарный образец, но норма как центральное течение, выводящее язык из отстоев, тупиков и старич, чистая главная струя. Задача чрезвычайной трудности. Для русского языка с его огромным пространством и нынешним разбродом — это вопрос жизни. Мы понимаем теперь, что Булгаков есть носитель этой нормы, у него есть эта всеразоряющая, очистительная сила...

Есть и другая «необходимость Булгакова сегодня» — его объективность. Доказательств этому много. Их не смогли вместить ни доклады на конференции, ни, естественно, эта заметка. Но вы имеете, надеюсь, под рукой произведения Михаила Булгакова — перечтите их. И убедитесь, что в мире, расколотом революцией и гражданской войной, он не потерял человечности и объективности, не обливал грязью «противника», не боялся сказать правду тогда, когда она была воистину смертельной...

Л. ФОМИНА.